

Czas w kulturze rosyjskiej Время в русской культуре

pod redakcją
Andrzeja Dudka

Czas w kulturze rosyjskiej
Время в русской культуре

Seria Antropologia Kultury Rosyjskiej
pod red. Andrzeja Dudka

Dotychczas ukazały się:

Rosyjskie dzieciństwo. Русское детство, pod redakcją Katarzyny Dudy i Andrzeja Dudka, Kraków 2015

Katarzyna Anna Duda, *Szkice o prozie rosyjskiej XXI wieku. Ulicka, Szyszkina, Pilewin, Minajew, Sienczyn, Kuricyn, Starobiniec...*, Kraków 2017

Czas w kulturze rosyjskiej

Время в русской культуре

pod redakcją
Andrzeja Dudka

Kraków 2019

© Copyright by individual authors, 2019

Recenzenci:

prof. dr hab. Tereza Obolevich (SBDNP)

prof. dr hab. Anna Woźniak

prof. dr hab. Joachim Diec

prof. dr hab. Zbigniew Greń

Redakcja

Helena Piecuch, Magdalena Romanowska

Koncepcja okładki

Marta Dudek

Opracowanie graficzne

Paweł Sepielak

ISBN 978-83-8138-138-3

DOI <https://doi.org/10.12797/9788381381383>

Publikacja dofinansowana przez Wydział Studiów Międzynarodowych i Politycznych
Uniwersytetu Jagiellońskiego

KSIĘGARNIA AKADEMICKA

ul. św. Anny 6, 31-008 Kraków

tel./faks: 12 431 27 43, 12 421 13 87

e-mail: akademicka@akademicka.pl

Księgarnia internetowa: www.akademicka.pl

Spis treści. Содержание

Andrzej Dudek , Czas w kulturze rosyjskiej. Uwagi wstępne.....	9
---	---

CZAS W JĘZYKU. JĘZYK W CZASIE ВРЕМЯ В ЯЗЫКЕ. ЯЗЫК ВО ВРЕМЕНИ

Ewa Komorowska , Frazeologizmy z wykładnikiem <i>время</i> w języku rosyjskim.....	23
Алла Лихачева , Фактор времени в современном российском городском номинативном дизайне.....	41

SAKRALNE I MITOLOGICZNE RYTMY CZASU САКРАЛЬНЫЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ РИТМЫ ВРЕМЕНИ

Елена Левкиевская , Время земное и время мифологическое в русских мифологических нарративах.....	55
Hanna Kowalska-Stus , Пространственное восприятие времени в кругу византийской культуры.....	65
Józef Kuffel , Aspekty temporalne w <i>Żywocie św. Kiryła Biełozierskiego</i>	77
Anna Kościółek , Пост в жизни и творчестве Андрея Муравьева	89
Наталья Мариевская , Историческое и сакральное время в структуре современного российского фильма. Звягинцев – Сокуров – Балабанов	101
Małgorzata Abassy , Człowiek w czasie i czas w człowieku. Fenomen czasu w ujęciu Jewdokiji Marczenko – „Radasteja”	115

KONCEPTUALIZACJE CZASU W ROSYJSKIEJ MYŚLI TEOLOGICZNEJ I FILOZOFICZNEJ ОСМЫСЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ В РУССКОЙ БОГОСЛОВСКОЙ И ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Dymitr Romanowski , Александр Шмеман. <i>Sub specie aeternitatis</i>	133
Виктор Троицкий , Энантиодромия как обобщенная форма времени в русской культуре Серебряного века.....	149

Оксана Седых , Миг и вечность как антиномия: П.А. Флоренский и культура Серебряного века.....	157
Елена Тахо-Годи , Проблема времени в художественной прозе А.Ф. Лосева	171
Leszek Augustyn , Kultura transcendencji: czas egzystencjalny w ujęciu Mikołaja Bierdiajewa	181
Marta Lechowska , Маскарад как бегство от самого себя. Рассуждения Федора Степуна о человеке, времени и вечности	195
Roman Mnich , Проблема времени в философском литературоведении Дмитрия Чижевского	203

KULTUROZNAWCZE I HISTORYCZNE KONCEPTUALIZACJE CZASU КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ

Ирина Колесник , Категория времени в науке и культуре: рефлексии историка	217
Ирина Едошина , Эпоха <i>fin de siècle</i> : культурфилософские очертания	233
Александр Турыгин , Теория „переломного времени” Райнхарта Козеллека: возможности применения в изучении российской истории XVIII в.	249

CZAS JAKO ASPEKT ŻYCIA SPOŁECZNEGO ВРЕМЯ КАК АСПЕКТ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Елена Самойлова , Локальные маркеры времени в традиционной культуре поморов XIX-XX вв.	265
Валентина Веремченко , Ощущение времени в концепте передовой педагогики в России в начале XX века	275
Ирина Синова , Революция 1917 года в России как фактор времени в контексте ретрансляции на повседневную жизнь	287
Алла Сальникова , „До” и „после”: репрезентация времени в детских автобиографических нарративах первого советского десятилетия	297
Татьяна Руюткина , Трансформация понятий „раньше” и „теперь” в народной памяти (по материалам „устной истории”)	307
Ильнара Ханипова , Реалии нового советского времени в деревне татарской АССР и их отражение в национальной литературе 1920-1930-х гг.	317
Kinga Nędza-Sikoniowska , „Czasie, naprzód!” Chronometraż w zakładzie pracy, w radzieckim społeczeństwie, w nowej rodzinie.....	331
Stanisław Fiszer , Концептуализация социального и исторического времени в позднем творчестве Александра Зиновьева	347
Иван Радиков , Проблема баланса потоков политического времени в развитии российского общества	355
Marian Broda , Paradoxy teorii rosyjskiej (nie)współczesności? Iwana Jesaulowa koncepcja mitologicznej dominanty w strukturach postsowieckiej codzienności	367

Anna Kadykało , Забыть Афган? Нет, невозможно. Об эволюции восприятия советско-афганской войны (1979-1989) в общественном сознании россиян и в российском политическом дискурсе	379
--	-----

TEMPORALNE ASPEKTY LITERACKIEGO OBRAZU ŚWIATA ВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ КАРТИНЫ МИРА

Василий Щукин , Художественные модели времени в русской литературе XIX века (на материале избранных произведений классиков)	395
Михаил Строганов , Одолеть пространство временем. Время в русском тревелогe XIX века	405
Константин Баршт , Время и Апокалипсис в произведениях Ф.М. Достоевского	413
Magdalena Dąbrowska , Wiersz Michała Murawjowa <i>Noc</i> – tekst i konteksty	433
Елена Созина , Время и место. Феномен восьмидесятилетия и его рефлексии: М.Н. Альбов, Д.Н. Мамин-Сибиряк, А.П. Чехов	443
Евгения Строганова , Тюремно-каторжные тексты И.П. Ювачева: особенности восприятия и репрезентации времени.....	455
Светлана Титаренко , Идея вечного возвращения Фридриха Ницше в поэзии русского символизма	465
Izabella Malej , „Жизнь и смерть в круженье вечном”. О metamorfozach czasu w twórczości Aleksandra Błoka	479
Йозеф Догнал , Роль времени в повести А.М. Ремизова <i>Часы</i>	495
Andrzej Dudek , Между мгновением и вечностью. Временные аспекты картины мира в творчестве Дмитрия Мережковского.....	505
Iwona Krycka-Michnowska , Wobec przemijania. <i>Jegor Bułyczow i inni</i> Maksyma Gorkiego – próba (re)interpretacji	523
Monika Sidor , Czas historyczny i doświadczenie. Strategia opisu przeszłości w eposie <i>Czerwone Koło</i> Aleksandra Sołżenicyna	535
Kristina Vorontsova , Время как постмодернистская игра в повести Елены Шварц <i>Концерт для рецензий</i> : Гоголь, Довлатов и все-все-все	545
Elżbieta Tyszkowska-Kasprzak , „Время для космоса болезнь, а для нас – древо жизни”. Метафизика времени в прозе Михаила Шишкина	557
Martyna Kowalska , Хаос времени – время хаоса. Роль и значение времени в современной российской драматургии	573
Bartłomiej Brządkiewicz , Потерянный во времени. Сюжетные сложности современной русской прозы. Выбранные примеры.....	591

Ирина Синова

Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Революция 1917 года в России как фактор времени в контексте ретрансляции на повседневную жизнь

Revolution of 1917 in Russia as a Time Factor
Influencing Everyday Life

Abstract: On the basis of documents from the archives, the article shows that the revolutionary events in Russia in 1917 led to the transformation of not only the government system, but also the private life of citizens. The article reveals how the time of political and social changes influenced the daily life of citizens, their way of life, leisure, appearance, fashion, vocabulary. The changes in the culture of everyday life were promoted by: the desire to abandon the remnants of the bourgeois past and the desire to achieve radical changes as soon as possible in everything. The consequences of the revolution were changes in the housing conditions of citizens and the creation of “cohousing”. In matters of religion, not just educational or prohibitive measures were used, but sometimes cruel, merciless and violent, were organized campaigns to combat religion and the destruction of icons. The article analyzes the impact of the revolution on such a private side of life of each person as clothing and fashion. The political attitudes in the first years of the Soviet government did not contribute to the development of creative abilities, individuality, comprehensively developed, educated personality, but led to a stereotype and limited thinking, uniformity in attitudes, tastes, affections, hobbies and interests, to the domination of clichés and myths.

Keywords: Everyday life, revolution, way of life, leisure, cohousing.

Социальные потрясения, войны и революции оказывают радикальное влияние не только на политическую сферу и социально-экономическое положение населения, но и на повседневные практики, такие как быт, жилище, досуг, одежда, лексика.

По мнению авторитетного российского исследователя

история общества по существу представляет собой повседневную жизнь человека в её историческом измерении, отражая некие неизменные свойства и качества в соответствии с закреплением новых форм жилья, питания, перемещения, работы и досуга¹.

Революционные события 1917 года в России стали временем перемен и привели не только к трансформации системы власти, но также всех элементов повседневной жизни и менталитета населения. Рассмотрение соотношения частного и общественного через повседневность, способствует осмыслению и пониманию культурного пространства и времени как на макроисторическом уровне, так и в контексте микроистории.

Источниками для изучения и понимания времени и перемен, происходивших начиная с февраля 1917 года и дальнейшей эволюции повседневных практик граждан, являлись как письменные, так и вещественные источники, т. е. документы, хранящиеся в архивах, периодическая печать, издававшаяся в те годы, мемуары, произведения художественной литературы, плакаты, фотографии и даже живописные полотна.

Драйверами изменений культуры повседневной жизни после революции 1917 года стали два основных фактора. Прежде всего это желание отказаться от всех пережитков буржуазного прошлого. И, стремление как можно быстрее во всём добиться радикальных изменений. Подобная быстрота носила не только скачкообразный и гипертрофированный характер, но порой доходила до абсурда. Постепенно в повседневной жизни «время сформировало свой эстетический тип предельной функциональности и предельного аскетизма, при котором всё, что напоминало об ушедшей, насильственно отринутой бытовой культуре, воспринималось как враждебное, идеологически чуждое»².

В обществе подвергались критике некоторые формы досуга, в частности танцы, которые считали «ненормальным увлечением». На X конференции Московско-Нарвской районной организации ВЛКСМ в январе 1929 года в одном из выступлений прозвучало: «Вопрос, на котором я хочу остановиться, о той вредности и захватывающей стихии, которая ежедневно выбивает всё новых и новых товарищей из наших рядов, прежде всего совершенно ненормальное увлечение танцами»³.

¹ И.Б. Орлов, *Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления*, Москва 2010, с. 3.

² Р.М. Кирсанова, «Гимнастёрка», «джимми» и «полпред»..., «Родина» 1997, № 11, с. 48.

³ Центральный государственный архив историко-политических документов (ЦГА ИПД), ф. 784, оп. 1, д. 537, л. 56.

А сама молодёжь в анкетах давала следующие оценки: „Не надо танцев. С танцами надо бороться, пора наконец запретить их”, „Танцы скверно отражаются на психике человека, развращают его и делают тугоумным” или „Танцы не являются развлечением культурным и здоровым, в общей системе досуга молодежи являются элементом не только не полезным, но вредным”⁴. Альтернативой должен был стать преимущественно коллективный досуг и спорт.

Типичными и широко распространёнными формами работы в 1920 – начале 1930-х годов была система походов, штурмов и осад. Считалось, что именно введение военной терминологии будет способствовать привлечению молодёжи к мероприятиям, а также дисциплинированности и эффективности проводимой работы. Так, например, весной 1928 года проводился штурм музеев и театров, а после этого последовал обязательный отчёт о количестве охваченных и вовлечённых. В октябре 1928 года началась „осада быта”⁵.

Широко внедрялись для проведения досуга коллективные дачи или „волевые соревнования по борьбе с пьянством, курением, пудрой и краской”⁶. И всё это по-своему „вредному” влиянию на молодёжь стояло в одном ряду. Казалось бы, что в этом содержится забота о здоровье молодёжи, её моральном облике, воспитание чувства коллективизма, но в действительности уже в самой постановке вопроса скорее директивный тон и требование стереотипов в поведении.

Время революции изменило жилищные условия и быт горожан. С лета 1918 года в Петрограде начался так называемый „квартирный передел”, когда рабочим из подвально-чердачных помещений предоставляли новое жильё, так называемых буржуев, к которым относились все владельцы личных отдельных квартир, в том числе и учёные, инженеры, деятели литературы. У Зинаиды Гиппиус в дневнике за 1919 год есть запись о её знакомом враче, который пытался защитить свой рентгеновский кабинет и „бросился в новую «комиссию по вселению»”, где натолкнулся на полное непонимание и дикость: „Что? Кабинет? Какой кабинет? Какой учёный? Что-то не слышали. Книги пишите? А в «Правде» не пишите? Верно с буржуями возитесь”⁷. Насильственное вселение, сопровождалось созданием коммунальных квартир.

В 1927 году было принято постановление Совета Народных Комиссаров о самоуплотнении граждан. Отдельная квартира с этого времени стала

⁴ А.Г. Каган, *Молодёжь после гудка*, Москва-Ленинград 1930, с. 41.

⁵ „Смена” 1928, 2 октября, с. 1.

⁶ Л.Н. Желдин, *Комсомол в культурной эстафете*, Москва 1931, с. 17.

⁷ З.Н. Гиппиус, *Чёрная книжка (1919)*, [в:] ее же, *Дневники*, под ред. А.Н. Николюкина, Москва 1999, с. 241-242.

редким явлением, характерным только для партийно-советской верхушки. К концу 1930-х годов в Ленинграде отдельную квартиру имели 25 % пролетариев, тогда как в 1914 году – 15%⁸. Появление коммуналок повлекло изменение культуры быта в условиях проживания нескольких семей в одной квартире.

Отдельные квартиры считались буржуазным пережитком, а будущее было за большими коммунальными с коллективной организацией домашнего хозяйства, главными формами которого были бытовые коммуны и культурно-бытовые товарищества. В них совместно занимались воспитанием детей, решением хозяйственных проблем, приготовлением пищи, уборкой квартиры, организацией досуга. Культура быта начала носить коллективный характер. Даже было подсчитано, что обобществление быта освободит около 20 миллионов рабочих по стране. „Старый косный неустроенный быт бьёт не только по каждой отдельной работнице, комкая и обесценивая её жизнь, но он больно бьёт по всему нашему производству, по всему строительству”⁹.

Первая объединённая рабочая коммуна в Ленинграде возникла в 1928 году в бывшей синагоге, которую приспособили под проживание бытового коллектива. Все дети жили в одной общей детской комнате, чтобы каждый ребенок считался ребёнком всей коммуны. Одежда считалась собственностью коммуны, и ею пользовались все по очереди. Но широкого распространения практика коммун как „левый загиб” не получила.

В 1920-е годы переделка быта и досуга включала и кампанию по борьбе с религией. В ноябре 1929 года на заседании комитета комсомола завода „Красный путиловец” говорили о том, что

сейчас идёт великий слом всего старого, и нужно серьёзно заняться этим. Нам необходимо провести поход на иконы в рабочие квартиры и сжечь их на площади в день праздника. Сделать это так: группу комсомольцев направить в квартиры по сбору икон, а комсомольцы у себя в квартирах сами ликвидируют иконы. Все иконы сжечь в Рождество, 7 января¹⁰.

А в декабре этого же года на бытовой конференции завода отвечая на анкету 49% молодёжи ответили, что дома висят иконы, 19% – ходят в церковь, а 37 % на вопрос: „Есть ли бог?” – ответили: „Не знаю”¹¹. Данное положение

⁸ Н.Б. Лебина, *Коммунальный, коммунальный, коммунальный мир...*, „Родина” 1997, № 1, с. 20.

⁹ А.П. Григорович, *Живём (Бытовые коммуны)*, Москва 1930, с. 5.

¹⁰ ЦГА ИПД, ф. 202, оп. 2, д. 30, л. 33.

¹¹ П.В. Лысаков, *Краснопутиловский комсомол. Как мы перестраиваемся*, Ленинград 1930, с. 40.

дел не могло оставить в стороне комсомольскую организацию, не признававшую свободу вероисповедания, мыслей и самостоятельность взглядов. Задача была поставлена: „Бить классового врага в лоб” И началась оперативная, можно даже сказать, сметающая все препятствия на своём пути, работа. Вопрос поставили очень остро: „За Нарвской заставой – ни одной церкви... Всех активных церковников выгнать с завода... Ни одной иконы у рабочего... Ни одного прогульщика в так называемые рождественские дни”¹². И такой подход к делу имел свои результаты. Только за два дня в Союз воинствующих безбожников было завербовано 800 человек¹³. В вопросе вероисповедания действовали не просто воспитательными или запретительными мерами, а даже жестокими, беспощадными и насильственными, надругаясь над верой людей, над её символами и атрибутами.

Революционное время повлияло и на такую, казалось бы, частную сторону жизни каждого человека как мода. Сразу после февраля 1917 года, отречения императора Николая II от престола, журналы стремились показать влияние социальных изменений на изменяющиеся фасоны одежды и цвета. В частности, в обозрении моды в „Журнале для женщин” писали:

Революция захватила сейчас всех. Она отразится на всех наших действиях и мероприятиях, должна отразиться отчасти и на модах. Красный цвет мы увидим не только на плакатах знамёнах и значках, которыми украсились серые шинели наших защитников, но и на хорошеньких головках дам и девушек скоро будут красоваться красные шляпы, красные отделки ленты, красные шарфики и цветы¹⁴.

Значит, по-прежнему, ни смотря ни на какие тяготы, лишения и невзгоды военно-революционного времени не перевелись в России „изысканные люди”.

Но всё же иногда модные советы давали с учётом особенностей политического и социального развития страны: „Мода стала приноравливаться к современному порядку вещей, к изменившейся жизни большинства женщин ставшими более деятельными членами общества с начала Великой войны. Им необходимо платье удобное для передвижения и работы”¹⁵.

Периодическая печать стремилась давать универсальную информацию, отвечая широким интересам читателей. Но при этом создаётся впечатление, что статьи и рекомендации далеко не всегда учитывали бедственное эконо-

¹² Там же, с. 41.

¹³ Там же, с. 41.

¹⁴ Мадлен, *Обозрение моды*, „Журнал для женщин” 1917, № 6, с. 24.

¹⁵ Мадлен. *Обозрение моды...*, с. 24

мическое положение граждан и возможность следовать, пусть даже частично высказываемым рекомендациям. Именно в советах, связанных с повседневной жизнью весной и летом ещё явно прослеживается сословная направленность журналов. Не говоря уже о том, что они были нацелены на грамотную аудиторию и по своей сословной принадлежности не только не рассматривали крестьянок, как потенциальных читателей, но даже не учитывали возможность работающих женщин городов, которые не носили платья из бархата, муслина и шелка, манто, прозрачные туники и шляпки с вуалью. А все советы и рекомендации, невзирая на социальные перемены, были рассчитаны исключительно на изысканных и не бедных представительниц женского пола. И логичным выводом для 1917 года стало признание того, что

мода отражает исторические события и психологию толпы. И покуда судьба отдельных народов более или менее одинакова и национальные психологии совпадают. Мода у них может быть общей. Но когда одной из стран совершаются, как у нас события исключительной важности, когда изменяются коренным образом, весь её строй обычаи и привычки, т. е. вся национальная психология, – естественно ждёт и полного переворота в её взглядах на красивое и изящное, в частности, на красоту в одежде, на моду.

И если мы мечтаем бросить в широкий иноземный мир новые социальные лозунги, перестроить Европу на свой манер вместо того, чтобы строиться на её лад как мы делали до сих пор когда были скованы по рукам и ногам, не забудем же о том, что вместе с новыми принципами свободы мы должны извлечь из глубины своего народа и подарить всему миру новые принципы красоты¹⁶.

Одновременно журналы призывали к демократизму в моде, к отказу от лишних деталей в одежде: „Длинные юбки с тренем знаменовали собой женскую несамостоятельность и полное отсутствие демократизма. Предполагалось, как будто бы, что для передвижения, она будет обязательно пользоваться экипажем”¹⁷. Но поскольку экипажи ушли в прошлое, и данная одежда становится не приемлемой.

В вопросах моды и одежды женщины пытались освободиться и от влияния дореволюционных тенденций, и от влияния мужчин на их внешний вид: „...Теперь она отвернётся с презрением, когда услужливые руки мужчин, по старой привычке, подsunут ей какую-нибудь архи-затейливую штучку, годную для куртизанки или гаремной женщины”¹⁸.

¹⁶ Ольга Б., *О моде*, „Женское дело” 1917, № 10, с. 18.

¹⁷ Ольга Б., *О моде...*, № 9, с. 18.

¹⁸ Ольга Б. *О моде...*, № 10, с. 18.

После октябрьских событий 1917 года и провозглашения России республикой рабочих и крестьян пролетарский костюм в 1918-1921 гг. становится аскетичным, что было обусловлено не столько мировоззрением, отрицающим всё, что было связано со „старым миром“, но и тяжелейшими экономическими условиями, разрухой, гражданской войной, последовавшими за революцией и политикой военного коммунизма. Вещи шили из холста, грубого полотна, бязи, солдатского сукна, байки, бумазеи, грубой шерсти.

По мнению российского искусствоведа Раисы Кирсановой в 1920-е годы „костюм уже не должен был украшать своего владельца; его задача стала иной – сделать человека неприметным, растворить его в толпе вокзальной сутолоки, ... подчеркнуть лояльность своего хозяина по отношению к новой власти”¹⁹.

На заседании комсомольского бюро Балтийского завода во время разбирательства дела комсомолки говорили: „Если мы заставим Бутенкову сейчас снять серьги, то завтра она их опять оденет. И будет скрывать от нас. Нужно не приказанием, а воспитанием показать дикость таких украшений”²⁰. Сегодня подобные слова кажутся не столько нелепыми и смешными, сколько грустными, показывая приоритет ценностей в советском обществе и „проблемы” молодёжи.

Искусствовед и исследователь архитектуры русского авангарда Селим Хан-Магомедов считал, что отрицание моды и атрибутов социально-престижной одежды в начале 1920-х гг. привело к поискам униформы, несущей явно выраженную социально-политическую нагрузку²¹. Кожаные куртки чёрного цвета как атрибут военной жизни и первых послевоенных лет, были распространены и среди гражданского населения и среди рабфаковцев до начала 1920-х гг., но вскоре типичный облик коротко стриженной рабфаковки в „кожанке” и красной косынке перестал быть актуальным, в связи с новыми ценностными установками на мирную жизнь.

Место чёрной „кожанки” заняла „юнгштурмовка” цвета тёмного хаки, заимствованная у немецких „спартаковцев” и ставшая эталоном новой молодёжной униформы. Она сочетала в себе военный костюм с рабочей одеждой, её носили с ремнём, портупеей и фуражкой на голове. Наряду с социально-классовой причиной, влиявшей на моду, имело место и определённое стирание гендерных различий со времён военного коммунизма, когда многие девушки не только в общей борьбе, но и в одежде стремились быть

¹⁹ Р.М. Кирсанова, „Гимнастёрка”..., с. 46.

²⁰ ЦГА ИПД, ф. К-157, оп. 1, д. 4, л. 11.

²¹ С.О. Хан-Магомедов, *Пионеры советского дизайна*, Москва 1995, с. 74.

похожими на мужчин. Мужские гимнастёрки в женском гардеробе подчёркивали равноправие в советском обществе. Но на рубеже 1920-1930-х годов юнштурмовка перестала быть элементом модной одежды среди пролетарской молодёжи. В определённой степени это было связано со свёртыванием новой экономической политики и отпавшей необходимости противостоять нэпмановской молодёжи.

Отказ от моды, простота и демократичность внешнего облика, отсутствие специального акцентирования различий между мужской и женской одеждой оставили глубокий след в молодёжном костюме в 1920 – начале 1930-х годов. В целом для молодёжной одежды того времени была характерна эклектичность, включавшая смешение стилей: милитаристского, деревенского и европейского.

В начале 1920-х гг. в искусстве появился стиль конструктивизм, как выражение динамики времени. Надежда Ламанова, стоявшая у его истоков ещё в 1919 г. писала: „Художники должны в области одежды взять инициативу в свои руки, работая над созданием из простых материалов простейших, но красивых форм одежды, подходящих к новому укладу трудовой жизни”²². И такой подход стал реализовываться не только в моде, но и архитектуре, в рекламных плакатах, в том числе поэта Владимира Маяковского и художника Александра Родченко.

Любая историческая эпоха может быть представлена как вербальная система, обеспечивающая узнаваемость конкретно-исторического времени. В бытовой лексике после 1917 года появилось множество особых слов и понятий. Их совокупность принято называть языком тоталитаризма или „новоязом”. Языковед Борис Ларин в 1928 году писал, что историческая эволюция любого литературного языка может быть представлена как ряд последовательных „снижений”, „варваризаций”²³. Именно после 1917 года наступила одна из волн „варваризации” русского языка, которая затронула не только культуру повседневной жизни, но в том числе и официальную власть, и государство в целом.

С первых дней советской власти появилось много слов, которые являлись сокращениями длинных словосочетаний. Наркомпрос – народный комиссариат просвещения; Сорабкоп – советский рабочий кооператив; ВОХР – войска внутренней охраны республики, ТОРГСИН – Всесоюзное объединение

²² Н.П. Ламанова, *О мастерской современных художественных костюмов*, [в:] *Первая Всероссийская конференция по художественной промышленности. август 1919 г. Отдел ИЗО НК и П. Подотдел художественной промышленности*, Москва 1920, с. 37-39.

²³ Б.А. Ларин, *История русского языка и общее языкознание (Избранные работы)*, Москва 1977, с. 175.

по ТОРГовле С Иностранцами, „Т. Ж.” – трест жировой, который производил косметику и в городах повсеместно висели вывески магазинов с таким названием.

Даже в таком важном вопросе, как выбор имени для своего ребёнка тоже отразились перемены, связанные с новым временем. Появились имена Бухарина, Сталина, Вилен, Лемур, Марэнлест, Пятвчет, Лагшмивара²⁴. Правда новые имена получили всего 5% детей.

Революция 1917 года отразилась на политико-воспитательной, культурно-массовой работе, организации досуга и быта, им были присущи заорганизованность, насаждение слепой веры в светлое будущее. И на заводе, и на сцене театров, и в кино, повсюду „звучал отбойный молоток”. Такая однобокая культура воспитывала не умение думать, чувствовать, сопереживать, не развивала творческие способности, индивидуальность, всесторонне развитую, образованную личность, а приводила к стереотипу и ограниченности мышления, единообразию во взглядах, вкусах, привязанностях, увлечениях и интересах, к господству штампов, клише и мифов.

Повседневная жизнь населения являясь отражением не только сословной принадлежности граждан, их материального положения, национальных особенностей, демографических показателей, впитывает в себя, а затем ретранслирует социальные катаклизмы в виде войн и революций, привнося в неё новые практики. А исследование культуры повседневности позволяет полнее познать частный мир людей и их ментальность.

Библиография

- Гиппиус З.Н., *Чёрная книжка (1919)*, [в:] ее же, *Дневники*, под ред. А.Н. Николюкина, Москва 1999.
- Григорович А.П., *Живём (Бытовые коммуны)*, Москва 1930.
- Желдин Л.Н., *Комсомол в культурной эстафете*, Москва 1931.
- Каган А.Г., *Молодежь после гудка*, Москва-Ленинград 1930.
- Кирсанова Р.М., „Гимнастёрка”, „джимми” и „полпред”..., „Родина” 1997, № 11.
- Ламанова Н.П., *О мастерской современных художественных костюмов*, [в:] *Первая Всероссийская конференция по художественной промышленности. Август 1919 г.* (Отдел ИЗО НК и П. Подотдел художественной промышленности), Москва 1920.
- Ларин Б.А., *История русского языка и общее языкознание (Избранные работы)*, Москва 1977.

²⁴ Вилен – Владимир Ильич Ленин; Лемур – Ленинская мировая революция; Марэнлест – Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин; Пятвчет – пятилетку в четыре года; Лагшмивара – лагерь Шмидта в Арктике.

Лебина Н.Б., *Коммунальный, коммунальный, коммунальный мир...*, „Родина” 1997, № 1.

Лысаков П.В., *Краснопутиловский комсомол. Как мы перестраиваемся*, Ленинград 1930.

Мадлен, *Обозрение моды*, „Журнал для женщин” 1917, № 6.

Ольга Б., *О моде*, „Женское дело” 1917, № 9.

Ольга Б., *О моде*, „Женское дело” 1917, № 10.

Орлов И.Б., *Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления*, Москва 2010, <https://doi.org/10.17323/9785759807018>.

Хан-Магомедов С.О., *Пионеры советского дизайна*, Москва 1995.

Центральный государственный архив историко-политических документов (ЦГА ИПД).

Информация об Авторе

Ирина Владимировна Синова (Irina W. Sinowa) – доктор исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, профессор Кафедры международных отношений, медиалогии, политологии и истории.

e-mail: s-irina@ya.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9109-2980>

Utrwalone w świadomości Rosjan wyobrażenia o istocie czasu, odzwierciedlone w ich dziełach artystycznych, w myśli filozoficznej i teologicznej, w praktykach społecznych, rytuałach, mitach, w przeświadczeniach o naturze codzienności, stanowią materiał dla refleksji podjętej przez autorów tomu *Czas w kulturze rosyjskiej. Время в русской культуре*.

Rosyjskie doświadczanie i konceptualizowanie czasu analizowane jest z perspektywy kulturoznawstwa, filozofii, literaturoznawstwa, filmoznawstwa, językoznawstwa, folklorystyki, politologii i historii.

Rozważania o swoistym dla Rosjan odczuwaniu czasu, myśleniu o nim i jego wyobrażeniach, przedstawione zostały w rozdziałach poświęconych następującym zagadnieniom: czas w języku – język w czasie; sakralne i mitologiczne rytmy czasu; konceptualizacje czasu w rosyjskiej myśli teologicznej i filozoficznej; kulturoznawcze i historyczne ujęcia czasu; czas jako aspekt życia społecznego; temporalne aspekty literackiego obrazu świata.

W niniejszym tomie swoimi refleksjami dzielą się badacze reprezentujący uniwersytety i centra badawcze z siedmiu krajów.